

Томская епархия Русской Православной Церкви
Администрация Томской области
Мэрия г. Томска
Совет ректоров вузов г. Томска
Институт развития образовательных систем РАО
Томский Областной Институт ПКРО

*Православные
духовно-нравственные идеалы
и традиции –
опора российского общества
и государственности*

Материалы XXIV Духовно-исторических чтений
памяти святых равноапостольных
Кирилла и Мефодия

*700-летию
Преподобного Сергия Радонежского
посвящается*

Томск
2015

ТВОРЧЕСКОЕ «ПАЛОМНИЧЕСТВО» Н.С. ЛЕСКОВА

Макарова Е.А.

Томский государственный университет

С «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, как известно, началась русская «родословная» литературного путешествия, в котором переплелись традиции Стерна и так называемой «гибридной» формы «Путешествия» Ш. Дюпати. На эту особенность повествования впервые указала Т.А. Роболи, утверждая, что после Карамзина вся русская литература «путешествия», по сути, разделилась на две группы [1]. Одна из них максимально приблизилась к открытиям Карамзина, другая продолжила традиции Стерна, где не эпистолярный, а жанр «дорожного дневника» стал доминирующим.

В этом плане интересно имя А.Н. Муравьева, возродившего прерванную традицию «путешествия-паломничества», которое он описал в своей книге «Путешествие по святым местам» (1832) по следам собственного паломничества в Палестину и Египет. Благодаря его сочинениям просвещенное общество этого времени заново повернулось к духовной теме. Личность и сочинения Муравьева чрезвычайно привлекали Н.С. Лескова. Неустанный интерес писателя к имени Муравьева показывает его явное пристрастие к литературе духовной, особенно к древнерусской традиции «хожений», «паломничества», «странствий». Концепт пути в творчестве писателя, прежде всего, связан с религиозными поисками, ярко отразившимися во многих его произведениях.

Главная заслуга Муравьева, по мнению Лескова, заключалась в том, что *«он первый из светских людей начал вещать о таких вопросах, которыми до него «светские» люди не интересовались и не умели за них тронуться»* [2, т. 6, с. 431]. Называя его человеком «умным, религиозным, читателем монашествующего духовенства», писатель отмечал, что он *«тихо, но плотно подавлял известными превосходствами своей натуры – смелостью, оригинальностью и беззастенчивостью»*. Давая подчас неоднозначную характеристику этому религиозному деятелю, писатель делился и своими творческими планами: *«Андрей Муравьев – лицо очень замечательное, оригинальное и до сих пор еще не описанное с тою тщательностью, какой заслуживает этот характерный выразитель своего времени. У меня кое-что собрано для его характеристики»* [2, т. 7, с. 375].

В «Путешествии...» Муравьева важна русская часть его маршрута: Москва – Троицкая лавра – Ростов – Москва – Новый Иерусалим –

Осипов монастырь – Петербург – Валаам – Московские монастыри – Кремль. Таким образом, самой крайней северной точкой оказывается Валаам и его монастырь, стяжавший славу «Северного Афона», расположенный на самом большом острове в северо-западной части Ладожского озера.

Тема Валаама начинает формироваться и у Лескова, когда он в июне 1872 г. совершит путешествие по Ладожскому озеру, и уже в августе–сентябре 1873 г. в журнале «Русский мир» начнет публиковать свои путевые заметки «Монашеские острова на Ладожском озере». Художественным же переосмыслением темы станет повесть «Очарованный странник», вышедшая в октябре–ноябре 1873 г. в том же «Русском мире», а затем рассказ «Павлин», напечатанный в апреле 1874 г. в журнале «Нива». Интересным отголоском путешествия на Валаам и связанной с этой темой личностью Муравьева будет «рассказ кстати» «Таинственные предвестия», написанный уже гораздо позже, в 1885 г.

Жанр «путевых заметок», на первый взгляд, обещает читателю последовательный рассказ о посещении автором святых островов Ладоги. Начиная свое произведение, Лесков, казалось, следует этой традиции, задавая изначально неторопливый эпический тон повествованию. Заканчиваются же очерки более чем неожиданно: *«Перед нами стал обрисовываться Валаам, о котором напишу когда-нибудь в другое время (выделено мной – Е.М.) Место серьезное и живут там люди, про которых надо говорить не спеша и подумавши»* [3, с. 284].

Итак, серия «путевых заметок», имеющая изначально целью познакомить читателя с Валаамом, увиденным глазами писателя, цели этой не достигает. Получается, что о главном так и не было сказано, а все очерки стали только подступами к главной теме, причем с непредвзято полемической и скептической интонацией, пронизывающей все произведение.

В «Монашеских островах...» Лесков сознательно избегает описания природы, древних монастырей, икон, которые он, кстати, и не может толком рассмотреть, так как существующие порядки не способствуют удобству знакомства путешественников с островом. История монастыря и его святынь передается в основном через диалоги паломников, которые, скорее, высвечивают их собственный облик, чем несут информативную роль, в отличие от жанра «путешествия».

Чрезвычайно важной представляется очерковая природа произведения Лескова, позволяющая увидеть разные стороны Валаама и разрушить устоявшиеся представления о жанре «хожения-паломничества». В основе жанровой структуры «Монашеских островов...»

лежит абсолютно иная форма дорожного дневника, путевых заметок, где сцены, картины, рассказы, объединенные общей нравственной проблематикой, как бы нанизываются друг на друга. Такое явное тяготение к циклизации органично для творческой манеры Лескова, создавшего более чем за тридцать лет своего творчества самые разнообразные циклы.

Еще более важной чертой поэтики Лескова становится тяготение к бесфабульности, что в целом свойственно русской литературе второй половины XIX в., когда происходит явное «вытеснение» фабулы, интриги, а на первый план выдвигаются бесфабульные литературные жанры. Необходимо помнить, что бессюжетность как принцип повествования впервые сознательно декларировалась в «Сентиментальном путешествии» Стерна, а затем и в «Письмах русского путешественника» Карамзина. Их тексты вберут в себя различные жанровые составляющие: путевые очерки, заметки, наброски, записки, картины. Имитация непосредственности изложения материала, отсутствие литературной обработки приведут к распадению повествования на множество эпизодов, каждый из которых имеет свой «сюжет».

Подобным образом выстроено повествование и у Лескова, при котором внутренняя цельность цикла формируется за счет целого ряда композиционных приемов. Особый интерес для характеристики лесковской модели мира представляет язык пространственных отношений. Он несет повышенную смысловую нагрузку, так как концепт пути у писателя представлен как неизбежное следование от плотского, земного, грешного к духовному, возвышенному и небесному. В итоге, как резюмирует Н.Н. Старыгина, «обобщенный образ Валаама в определенной степени формирует временной и пространственный миры “Монашеских островов”, диктует последовательность в расположении материала» [4, с. 125].

«Мы плыли по Ладожскому озеру от острова Коневца к Валааму и на пути зашли по корабельной надобности в пристань к Кореле» [2, т. 2, с. 218]. Так начинается уже другое произведение Лескова – повесть «Очарованный странник», в которой задается знакомая траектория пути, но с той существенной разницей, что повествование ведет теперь типичный для писателя «герой молвы», бывший конзсер, а ныне монах – Иван Северьяныч Флягин. Его сложный извилистый путь ведет к той же сакральной точке – монастырю острова Валаама, и этапы этого пути крайне характерны.

Итак, пароход с путешественниками плывет из Петербурга на Валаам. Но из рассказа героя мы узнаем, что он родился в Орловском крае, то есть в центральной части России. Далее его путь, полный со-

мнений, ошибок и грехов, будет лежать на юг: Воронеж, Николаев, вплоть до степных «Рынь-песков». Его проживание у татар, с которыми он доходит до самого юга – к Каспию, в Астрахань – будет знаком того, что герой окончательно сбился с дороги. Пробыв же пятнадцать лет на Кавказе под чужим именем, он меняет линию своего пути, оказавшись сначала в северной столице России, Петербурге, а затем, через остров Коневец, доплывая до Валаама.

Тем не менее важно отметить, что монастырь не станет конечным пунктом героя. В финале он движется уже на самый север, на Соловки, что находятся у Белого моря. В итоге в образе «белого монастыря» представлена важная система координат, определяющая путь души героя и конечный духовный результат этого пути. Поэтому предсказание, содержащееся в видении «белого монастыря», полностью реализуется в судьбе героя, когда он найдет, наконец, свое место в жизни [5]. Сама же семантика белого цвета символизирует этот этап очищения и духовного возрождения странника Лескова. В итоге написанные писателем почти одновременно путевые очерки и повесть приведут к принципиально иной трактовке образ Валаама в русской литературе. Модифицированный жанр «путешествия» и заданная модель пути очарованного странника рождают иную реальность, связанную с древними сакральными смыслами.

Осмысля пространство в этноконфессиональных категориях, Лесков, несомненно, опирался на представления, идущие от древнерусской культуры и литературы. Но не менее важную роль сыграла западноевропейская, особенно английская традиция в творчестве писателя. В выстраивании траектории путешествия своих героев, формировании концепта пути он с явной очевидностью ориентировался на «Путь паломника» Джона Беньяна. К этой книге Лесков испытывал острый интерес всю жизнь, прежде всего, в связи с его глубокими симпатиями к протестантской теологии и культуре.

В сюжете «Пути паломника», связанном с путешествием во сне героя к райским вратам (через множество препятствий, падений и заблуждений), исследователи справедливо усматривают основную сюжетную ситуацию повести Лескова [6]. Райский город – Небесный Иерусалим – появляется и во сне Флягина: *«... где-то тонко колокол тихо звонит, и весь как алою зарею облитый большой белый монастырь по вершине показывается, а по стенам крылатые ангелы с золотыми копьями ходят, а вокруг море, и как который ангел по щиту копьем ударит, так сейчас вокруг всего монастыря море всколыхнется и заплещет, а из бездны страшные голоса вопиют: “Свят”»* [2, 2, с. 242].

Как видим, у Ивана Северьяныча Небесный Иерусалим ассоциируется с монастырем, а херувимская песнь – с колокольным звоном, поэтому в структуре сюжета повести видение занимает точно такое же место, что и аналогичная картина в сочинении Беньяна. В его произведении человеческая жизнь предстает вариантом поиска высшей правды, которую можно трактовать как опытно-рациональное постижение действительности, освященное божественным промыслом и верой. При этом хаос и смута в общественной жизни прослеживаются как препятствие на пути к жизни новой. Этот идеал и воплощается в образе Небесного града, который достигает христианин.

В связи с этим закономерным представляется вывод Е.В. Яхненко о том, что «связь некоторых произведений Лескова с книгой Беньяна существует и подтверждает не только интерес писателя к творчеству английского проповедника, но и движение его по пути формирования собственной системы ценностей, в которой большое место занимает «протестантский» идеал отношений человека с Богом» [7, с. 145].

Не случайно книгу Беньяна читает в тяжелые минуты и мятежный протопоп Туберозов из романа-хроники «Соборяне», формируя для себя мысль о том, что без церкви можно обойтись, даже должно искать спасения вне ее ограды, ибо в ней – застой, отсутствие движения воды. По этому пути движется и очарованный странник Лескова. Его стремление сменить «*клобучок*» на «*амуничку*», так как «*за народ очень помереть хочется*» [2, 2, с. 336] бесконечно дорого писателю.

Таким образом, у писателя происходит трансформация и образа Валаама, который становится своеобразной путевой метафорой духовного прозрения, обозначая контуры идеала, формируя понятие «*божьего дома*», в котором всегда найдется место его герою. Вскоре в развивающейся творческой системе Лескова и этот образ станет лишь промежуточным этапом его движения. Свой же духовный идеал он постепенно выводит за пределы православия, делая его внецерковным, общехристианским.

ЛИТЕРАТУРА

1. Роболы Т.А. Литература «путешествий» // Русская проза. Сб. статей под редакцией Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова. Л., 1926. С.42-74.

2. Лесков Н.С. Борьба за преобладание // Лесков Н.С. Собр. соч.: В 12 т. М., 1989. В дальнейшем ссылки на это издание даны в тексте с указанием тома и страницы. Все цитаты Лескова в тексте выделены курсивом мной – Е.М.

3. Лесков Н.С. Запечатленный ангел. Монашеские острова на Ладожском озере. – СПб., 1874.

4. Старыгина Н.Н. «Монашеские острова на Ладожском озере» Н.С. Лескова (жанр и композиция) // Жанр и композиция литературного произведения. Межвузовский сборник. Петрозаводск, – 1986.

5. Об этом: Кольцова Ю.Н. Концепт пути в произведении Н.С. Лескова «Очарованный странник» // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. № 2. С. 61–69.

6. См. об этом: Майорова О.Н. Лесков. Структура этноконфессионального пространства // Тыняновский сборник. Вып. 10. М., 1998. С. 125; Яхненко Е.В. «Путь паломника» Джона Беньяна в творчестве Н.С. Лескова // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2003. № 2. С. 141-147.

7. Яхненко Е.В. Указ. соч.